

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Соловьев К.А. Концепт «свобода» в политических текстах российских авторов XVIII в. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.3.39998 EDN: OAGYZQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39998

Концепт «свобода» в политических текстах российских авторов XVIII в.

Соловьев Константин Анатольевич

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, оф. 2

✉ ksoloviov@spa.msu.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.3.39998

EDN:

OAGYZQ

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2023

Аннотация: Аннотация. Концепт «свобода» – один из опорных, для выявления представлений об общественном идеале и один из ориентиров в попытках социального конструирования эпохи модерна. Объектом данного исследования является политическая мысль России XVIII в. Предмет исследования – становление и эволюция концепта «свобода» в общественно-политических текстах российских авторов XVIII в. Целью данной статьи стало выявление специфики концепта «свобода», представленного в документах государственных и политических деятелей XVIII в, по отношению к тем, что были созданы в допетровской традиции и к текстам европейского Просвещения. Базовый метод исследования – текстологический анализ произведений российских политических авторов XVIII в., в разных его вариантах: семантический (включая герменевтику), генетический, компаративный. Анализ исторических форм использования словоформы «свобода/воля» не позволяет говорить о том, что концепт «свобода» в России, развивался исключительно на собственной почве. В политических текстах, создаваемых до XVIII в. (особенно это относится к первой половине – середине XVI в.)

использование словоформ «свобода» и «воля» скорее показывает знакомство авторов с европейской политической мыслью, чем готовность его использовать для описания желаемого будущего. Основной вывод состоит в том, что рецепция понятия «свобода» из произведений европейского Просвещения и формирование, на этой основе, политического концепта «свобода», начались во второй трети XVIII века, чему свидетельство – труды В.Н. Татищева. Эта рецепция завершилась в 1780-е годы в виде трех базовых трактовок концепта «свободы» – либерального (тексты Н.И. Панина и его единомышленников), консервативного (тексты М.М. Щербатова) и демократического (тексты А.Н. Радищева).

Ключевые слова:

история России, история политики, история управленческой мысли, история политической мысли, концепт, XVIII век, Щербатов, Панин, Екатерина II, Радищев

Восемнадцатый век – первый в российской истории, когда во власти и в обществе появилась и развивалась потребность в социальном конструировании, формировании образа будущего и поиска механизмов его воплощения. Первым воплощенным «конструктом» стало «регулярное государство» Петра I (хотя элементы социального конструирования можно увидеть уже в реформаторских планах В.В. Голицына [31 с. 179-180]). Затем «образы будущего» проявились в полемике по поводу «Кондиций», предъявленных Анне Иоановне Верховным Тайным советом, в преобразовательных планах советников Елизаветы Петровны, наконец, в просвещенном абсолютизме Екатерины II. И совсем не случайно во второй половине этого века в России широко распространяется масонство, а одним из значимых жанров в литературе становится «утопия» [32, с. 209, с. 39-36; 27, с. 159-164].

Формирование образа будущего требовало опоры на семантические конструкции, которые могли бы выдержать наплыв новых смыслов. Такими опорными конструкциями стали политические и управленческие «концепты» («слова и грамматические формы, являющиеся носителями смысла в его главных формах: "образа, символа и понятия"» [11, с. 438]) формирующиеся в русском «политическом» языке. Эти концепты, отчасти, брались из языка прежних времен (как, например, «самодержавство и самовластие»), частично заимствовались из политической лексики античности и европейского Просвещения XVII – XVIII вв. (концепт «общее благо»), частично же являлись отражением («калькой») зарубежной лексики в русском языке (выражение «общенародие»).

В современных исследованиях по истории политической и управленческой мысли XVIII в. проблематика, связанная с изучением понятийного и терминологического аппарата, становится все более заметной. Здесь можно отметить как исследования, посвященные выявлению воздействия «общих понятий и представлений, свойственных Просвещению» на становление кого-либо из российских авторов [29, с. 60], так и обратный подход – изучение бытования в политическом языке конкретного концепта [22, с. 11-19]. Значительным шагом в продвижении по пути осмысления бытования концептов «свобода» и «воля» в нормативных документах России XVII – XVIII в. стало исследование А.Б. Каменского [9]. Появляются новые обобщающие работы по тематике рецепции европейских ценностей в России XVIII в. [1].

В задачи данной статьи входит выявление концепта «свобода» (и близкий к нему, но не равнозначный концепт «воля») в политических и управленческих текстах российских авторов XVIII в.; указание на истоки и способ его выделения из общего количества смыслов, которые несла словоформа «свобода» в предшествующие эпохи; обозначение тех смыслов, которые должен был донести концепт «свобода» до читателя. Базовый метод исследования – текстологический анализ в разных его вариантах, семантический (включая герменевтику), генетический, компаративный.

Потребность в использовании концепта «свобода/воля» в политических текстах XVIII в., неизбежно отсылала и авторов и читателей к двум семантическим полям: исторически формирующемуся пространству смыслов древнерусского сочинительства, с уже сложившимися и, в значительной степени, устоявшимися вариантами понимания того, что такое «свобода» и что такое «воля»; и набору новых смысловых возможностей, возникающих при переводе с иностранных языков понятий: *liberty*, *la liberté*, *die Freiheit* – используемых зарубежными мыслителями XVII-XVIII в.

«Свобода» и «воля» в древнерусских текстах

Среди восьми вариантов трактовки слова «свобода» в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» ближе всего к политической сфере подходят первый: «вольность, независимость» и пятый: «возможность действовать по своей воле» [30, с.171]. В первой трактовке свобода понимается, как возможность «земли» (городской общины) *не зависеть чьей-то воли*, навязанной извне. И это наглядно видно в том, практически единственном, случае, когда это слово было использовано для описания взаимоотношений князя и городской общины: в 1399 г. Тверской князь Михаил решил, перед смертью, передать свое правление сыну Ивану, на что тверичи отчедали ему: «...”камо грядеши от нас, о Тферская великая свободо, и честнаа славо сынов Тферских, велии страже Тферскаго града, иже тако всегда стерегыи яко же орел гнездо свое...”» [21, с. 146-147]. Смысл «свободы» здесь очевиден – это независимость Твери от внешнего воздействия, но никак не свобода тверичан от княжеской власти. Кроме того, «свобода» в этом фрагменте – это понятие, связанное с коллективным, но никак не индивидуальным действием, общей волей жителей Тверской земли.

Что же касается второй трактовки, то И.Н. Данилевский пишет, что, по крайней мере, в домонгольской Руси у понятия «свобода» не было положительных коннотаций, поскольку со свободой связывались представления о неимении чего-либо: собственности, обязательств и т.п. [6, с. 82]. И, как совершенно справедливо отмечает В.В. Коршаков, «для описания политической независимости и самостоятельности в принятии решений в древнерусском языке использовалось иное обозначение: “воля”» [13, с. 18]. В приводимых им примерах и в других случаях (как, например, приглашение в 1236 г., в Новгород, князя Ярослава Всеволодовича «на всей воле Новгородской» [20, с. 236]), можно видеть что «воля» означает не независимость от внешнего воздействия, а *право на самостоятельность для всей городской общины*. Отметим, что гражданской семантики, подразумевающей не только личную свободу, но и право на участие в управлении, в том виде как это предстает у Г. Гроция («Под свободой он [Тацит – *авт.*] понимает свободу гражданскую, то есть право самоуправления государства. Полнота такого права имеется в народном правлении, ограниченные права имеются в правлении знатных; в особенности же свобода является полной, когда никто из граждан не устранен от занятия государственных должностей [5, с. 551]), в терминах «свобода» и «воля», используемых летописцами, нет. «Свобода» – это, скорее, обозначение всей

совокупности прав городской общины. А «воля» - термин для обозначения прав на самостоятельность в отношении с князем, то есть права всей совокупности жителей на управление, не делимого на права отдельных личностей.

Там, где древнерусская традиция встречалась с заимствованиями из-за рубежа, возникало новое значение словоформ «свобода» и «воля», связанное с правом (законом), а значит связанное с правами личности. Высказывание из «Мерила праведного»: «Свобода есть и удобство пространство естественное комуждо прощающе делати якоже хочет, хочет аще не закони или нужда не возбранит» [30, с. 171], – прямая цитата из «Дигестов Юстиниана». А туда оно помещено со ссылкой на «Институции» Флориана: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом» [7, с. 116-117]. Два семантических «маячка» этой фразы: «естественная способность» и «право» - отсылают нас к теории «естественного права», в своем сложившемся виде пришедшей в Россию только в XVIII в. Но, поскольку, «Мерило праведное» могло быть составлено уже в конце XIII в. [2, с. 17], а его текст отражает языковую специфику XIV в. [8 с. 140], то можно утверждать, что, по крайней мере, с XIV в. семантика «свободы» на Руси потенциально могла соединиться с семантикой «права». А это значит. Что древнерусское понимание концепта «свободы», как общей «воли» всей городской общины стало не единственно возможным.

И уже в XVI в. мы встречаем именно новую (индивидуальную) семантику в использовании словоформ «свобода» и «воля» в третьем послании князя Курбского к царю Ивану IV: «иже затворил еси царство Руское, сиречь свободное естество человеческое, аки во аде твердыни, и кто бы из земли твоей по□хал, по пророку, дс чюжих земель, ... ты называешь того изм□нником, а естли изымают на пред□ле, и ть казнишь различными смертми» [34]. В этом фрагменте «свобода» представлена как «естественное» состояние человека, индивидуума. В другом месте того же послания («О беда! О горе! В каковую пропасть глубочайшую диявол, супостат наш, самовластие и волю нашу низвлачит и вревает!» [34]) мы видим прямую связь между государственными законами и степенью «самовластия и воли» доступной для населения. Следовательно, мы можем говорить, что, вероятно, под влиянием знакомства с европейской политической мыслью, в российской политической элите XVI в. трактовка концепта «свободы» - как коллективной воли населения, начинает дополняться другой – личной свободы.

«Свобода» в европейской просветительской мысли XVII в.

Второе семантическое поле, воздействующее на формирование российского концепта «свобода» - это европейская политическая мысль XVII – XVIII в. Это поле не было однородным и единого концепта «свобода», не существовало. Каждый, из значимых для российского общества мыслителей, давал собственную трактовку. Общие же границы этого семантического поля задавались сравнительно единой трактовкой таких понятий как «общее благо» и «естественное право».

В России начала XVIII в., серьезное влияние на умы оказали труды мыслителей XVII и самого начала XVIII вв.: Томаса Гобса, Христиана Вольфа, Самуила Пуфендорфа, Гуго Гроция, Юста Липсия, Джона Локка [10 с. 107-120]. Не имея возможности, в данной статье, дать полный анализ семантики концепта «свобода» в европейской политической мысли того времени, ограничимся несколькими замечаниями по поводу ряда важнейших его трактовок. Прежде всего, отметим, что в самом первом переводе трактата С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» на русский язык, «свобода»

представлена как опорный элемент «самоволия» - той силы, которая отличает человека от животных и проявляется в *возможности выбора*: «Ово щобъ СВОБОДНО творїль, сїєсть, егда имѣть едїно предложенїе, можетъ дѣлати или недѣлати, избрати, ил отврещи или многая предложенїя имѣя, едїно хочеть избрати, прочїя отрїнути» [25, с. 22]. Такое понимание свободы принципиально отличается от базовой трактовки свободы в древнерусских текстах, поскольку «свобода» у Пуфендорфа одновременно индивидуальна и имеет общественное выражение в законе, который есть «нѣкая узда свободности нашеи, что хотя бы весма воля наша чего не хотѣла и разнствовала, обаче онымъ обязательствомъ, аки внутреннїмъ двїженїемъ познаваетъ, что аще положенному уставу дѣїствїе ея не будетъ согласно, то оное не добрѣ учїніла...» [25, с. 22].

Для понимания значения понятия «свобода» у Т. Гобса важна XIV глава его трактата «Левиафан», которую он начинает так: «Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом» [3, с. 89]. А поскольку воля одного человека может служить «внешним препятствием» для воли другого, то Гобсу необходимо обозначить пределы индивидуальной свободы. И он делает это, разделяя «право» и «закон»: «Следует различать *jus* и *lex* – право и закон, хотя тот, кто пишет на эту тему, обычно смешивает эти понятия, ибо право состоит в свобода делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой» [3, с. 89-90]. Это гораздо более жесткое, чем у Пуфендорфа, противопоставление «свободы» (которая реализуется в «праве») и «закона», который возникает там, где люди готовы отказаться от полноты своих прав «ради какого-нибудь другого блага, которое он надеется приобрести» [3, с. 91]. Как справедливо заметил Люсьен Жом: «Фактически свобода для Гоббса означает полную противоположность закона» [39, р. 210]. Соответственно, проблема реализации «права» (то есть именно «свобода»), в условиях ограничений, и является главной темой размышлений Гобса. «Гражданская наука» Гобса, состоит, как пишет Том Орелл, в выявлении «обязанностей и свобод подданных и государей» [42, р. 135] в рамках общественного договора.

Дж. Локк делает следующий шаг в осмыслении как личной, так и гражданской свободы. Он принципиально не желает противопоставлять «свободу» и «закон»: «Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием» [14, с. 274]. Свобода, таким образом, находится не вне закона, вступая с ним в конфликт (как это намечено у Пуфендорфа и со всей ясностью выражено у Гобса), а внутри закона: естественного, если речь идет о личности и государственного, если речь идет об обществе. И если Гобс настаивал на том, что человек может и обязан обменять часть прав на жизнь и безопасность, то Локк выбрал принципиально иной подход: «Эта свобода от абсолютной, деспотической власти настолько необходима для сохранения человека и настолько тесно с этим связана, что он не может расстаться с ней, не поплатившись за это своей безопасностью и жизнью» [Там же, с. 275]. Стремясь добиться «устойчивой позиции» в вопросе о «связи между свободой и необходимостью» [37, р. 123], Локк нашел эту равновесную позицию в

поместив свободу внутрь пространства огороженного законом, регулярно обозначая внешние границы этого пространства термином «рамки».

Итак, в западноевропейской политической мысли XVII в. отчетливо выделяется два семантических уровня «свободы»: личный и общественный. При этом на личном уровне свобода соотносится со «светской концепцией гражданского права» [38] и либо выражается в законе, либо ему противопоставляется. Само по себе понимание важности роли закона в обществе для российской политической мысли не ново. Оно есть в приведенной выше цитате из послания Курбского. Еще более ярко оно выражено в послании Федора Карпова митрополиту Даниилу, написанному, скорее всего, в 1630-х гг.: «потребна суть во всякомъ гражданствѣ правда и законы ко исправлению неустроинныхъ...» [23]. Но прямого соотношения двух понятий: «свободы» и «закона» - в российских политических сочинениях до XVIII века, мы не видим. А именно это соотношение является ключевым для понимания концепта «свободы» у того или иного мыслителя раннего Просвещения. Кроме того, личный уровень свободы в европейском Просвещении XVII века тесным образом связан с понятием собственности («свобода ... располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется» [14, с. 292-293]), а значит и ответственностью за эту собственность. Наконец и личный, и гражданский уровни «свободы» подразумевают свободу выбора, что в древнерусской литературе скорее соотносится с семантикой «воли» еще доордынских времен.

Начало становления российского концепта «свобода»

Политико-культурный переворот, свершившийся в России в первой четверти XVIII в., актуализировал в сознании российской элиты именно европейское семантическое пространство. Два события в послепетровской истории в наибольшей степени повлияли на направление развития российской политической мысли. Первое событие – утверждение на престоле императрицы Анны Иоановны, хотя оно важно не само по себе, а тем, что вызвало общественное обсуждение «Кондиций», выдвинутых Верховным тайным советом. Второе – работа Уложенной комиссии в первые годы правления Екатерины II. Оба события можно назвать наиболее яркими проявлениями общественной свободы, пусть и не реализованной в итоге.

О начале формирования концепта «свобода» в политической лексике России можно говорить, применительно ко II трети XVIII в. В политических текстах петровской эпохи само слово «свобода» встречается редко. Например, его нет в одном из ключевых текстов того времени – «Дедикации» П.П. Шафирова, хотя другой концепт просветительской мысли – «общее благо» - в ней использован широко. В еще одном важнейшем политическом документе – «Слове о власти и чести царской» Феофана Прокоповича – это понятие использовано с двумя противоположными коннотациями: *положительная* связана с истинами христианства («Свободил есть нас Христос крестом своим от греха, смерти и диавола, сиесть от вечнаго осуждения...»), *отрицательная* – с попытками древних «мономахов и цареборцев», а также современных «свободолюбцев», перенести идеалы христианской свободы в политическую сферу: «Свободил же нас Христос и от обрядовых законоположений, и от самоизвольных человеческих, аки бы ко спасению нужных, изобретений ... А от послушания заповедей божиих и от покорения влаstem предержажим должнаго не подал нам Христос свободы, но и паче оное утвердил...» [24, с. 78-79]. Представление о возможности политической свободы в России Ф. Прокоповичу, как и большинству деятелей петровской эпохи, было чуждо.

Обращение к концепту «свободы/воли» стало неизбежным при осмыслении «петровского наследства». А события 1730 г. показали, что свободное изъятие воли пусть небольшой, но все же части общества, возможно и в России. Один из самых активных участников тех событий, В.Н. Татищев, оставил нам корпус политических текстов, имеющих разную жанровую природу. Для нас, в данном случае, более всего важен текст первой половины 1730-х гг., названный «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах». Его жанр – «беседа», в ее «сократовском» варианте, широко представленный в европейской публицистике XVII – XVIII вв. *А.Г. Готовцева*, 2018, с. 10] и получившем «широкое распространение» в России «уже в петровскую эпоху», в виде, главным образом, переводов [\[16, с. 286\]](#).

Жанр «сократического диалога» давно уже использовался для сочинений, имеющих определенную педагогическую нагрузку, когда философия понимается «как деятельность по воспитанию души» [\[41, с. 497\]](#). Как это и требуется в самом начале процесса обучения чему-то новому, жанр «беседы» позволяет проговорить (длительно и подробно) те идеи, которые необходимо усвоить. Применительно к концепту «свобода» такого рода «проговариванием» идей, извлеченных при чтении западноевропейских мыслителей, стал ответ на вопрос 103, о естественной свободе: «Воля по естеству человеку толико нужна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может ... Ибо кто в какой-либо неволе состоит, той не может уже по своему хотению покоиться, веселиться, чести, имения снискивать и оные содержать ... Выше же вам показал, что человеку и в лучшем возрасте и разуме на себя единого надеяться не безопасно, и потому видим, что воле человека положена узда неволи для его же пользы, да чрез то протчия благополучия в уравнении возможном иметь и в лучшем благополучии пребывать возможен. Сия узда есть едина по природе, другая по своей воле, третья по принуждению» [\[33, с. 121\]](#).

В представленных выше строках мы можем заметить довольно медленное движение мысли от архаики к модерну. «Воля», как условие «благополучия» определена очень нечетко. Два элемента «воли» («покоиться и веселиться») крайне неопределенны и юридически не точны. Третий элемент, *право на собственность*, сформулирован при помощи такого действия («снискивать»), которое отсылает к феодальной природе этой собственности. Кроме того, «воля» у Татищева соединена с государственным должновладением. Выделив три разных причины ограничения свободы: «по природе», «по своей воле» и «по принуждению» Татищев, соотносит с ними разные политические режимы: монархию и республику [\[33, с. 122\]](#). По логике его рассуждений третьей политической формой, связанной с насильственным ограничением свободы, должна быть власть деспотическая, но ее Татищев не называет, ставя на это место бытие «у разбойников или в плене у неприятеля» [\[33, с. 122\]](#).

В других политических текстах 1730-х – 1750-х гг. концепт «свободы», как в личном, так и в общественном смысле, почти не использовался. Некоторый намек на возможность его применения есть в документах управленческого характера («записках») П.И. Шувалова и И.И. Шувалова. Так Петр Шувалов, определяя методы проведения государственных реформ писал: «Равномерно узнать недостатки, в какой бы оная материи ни состояли, в подробность их не входя невозможно, следственно поправление или приведение в лутшее состояние, быть не может. Того ради свободною и беспристрастною мыслию следует входить в существо рода того зла или материи, и искать причины от чего происходит...» [\[35, с. 177-178\]](#) Иван Шувалов в «Доношении Правительствующему Сенату» 1760 г. об обучении дворян, писал о необходимости

«свободного пути наукам и художествам» [\[35, с. 252\]](#). В обоих случаях можно заметить отсылку к идеям европейского Просвещения. Но к концепту «свободы», как ключевого элемента общественной жизни, эти высказывания имеют отношение косвенное.

Использование концепта «свобода» в текстах 1760-х гг.

Серьезный сдвиг в общественном сознании произошел с начала 1760-х гг. Прежде всего, указом Петра III от 18 февраля 1762 г. дворянству были пожалованы «вольность и свобода». Обоснование этого решения содержало отсылку к идеям Просвещения, но лишь в той части, где говорилось о «пользе отечества». Сама свобода определялась, как реализация «данной Нам от Всевышнего власти, из Высочайшей Нашей Императорской милости» [\[19, с. 912-913\]](#). И как реализация концепта, в данном случае, эта словоформа рассмотрена быть не может. Императрица Екатерина II выразила намерение привести этот указ «в лучшее совершенство». И, хотя первая попытка обновления этого указа, в рамках работы специальной комиссии, ничего не дала [\[15, с. 26-27\]](#), сам указ продолжал действовать и понятие «свобода», тем самым становилось официальным термином власти, не имея, однако, концептуального обоснования.

Еще один официальный документ 1760-х гг., в котором использовано понятие свободы – это «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии, где в статье 98 говорится: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан» [\[17, с. 23\]](#). Выражение «свобода граждан» чужеродно общему контексту российских политических и управленческих текстов того времени. Оно попало в «Наказ» в качестве прямой цитаты из «духа законов» Монтескье (что было отмечено уже публикатором наказа Чечулиным). Выражение «liberté et la sûreté des citoyens» во франкоязычном варианте «Наказа» Екатерины, идентично тому, что написано у Монтескье: «Si vous les regardez dans le rapport qu'elles ont avec la liberté et la sûreté des citoyens, vous en trouverez souvent trop peu; et vous verrez que les peines, les dépenses, les longueurs, les dangers même de la justice, sont le prix que chaque citoyen donne pour sa liberté» («Если вы рассмотрите их с точки зрения их отношения к свободе и безопасности граждан, то вы нередко найдете, что их слишком мало, и увидите, что все эти затруднения, издержки, проволочки и самые ошибки правосудия являются той ценой, которую каждый гражданин оплачивает свою свободу» [\[40\]](#)).

Соответственно, мы можем говорить, что «свобода граждан» в Наказе – это не осознанная новация в политическом языке и не попытка освоить концепт «свобода», а лишь случайное заимствование. Подтверждается это и тем, что почти во всех остальных случаях использования слова «свобода» в «Наказе» речь идет о возможности освобождения какой-то части населения, от тех или иных обязанностей. Исключение – статья 517 «Наказа», в которой есть некое желание, соотносимое с понятием «свобода слова»: «Еще бы сие великое было несчастье в Государстве, если бы не смел никто представлять своего опасения о будущем каком приключении, ни извинять своих худых успехов, от упорства счастья происшедших, ниже свободно говорить своего мнения» [\[17, с. 140\]](#). В 1785 г., выдавая «Жалованные грамоты» дворянству и городам, Екатерина II использовала словоформу «свобода» лишь там, где нужно было обозначить наделение дворян или горожан какими-либо льготами, что далеко от гражданского (и тем более политического) значения этого термина.

Самым важным текстом 1760-х гг., для утверждения концепта «свобода» в общественном сознании, стал проект А.Я. Поленова по теме конкурса Вольного экономического общества «Что полезнее для общества – чтоб крестьянин имел в собственности землю

или токмо движимое имение ...», объявленного в 1766 г. В этом сочинении есть два фрагмента, в которых термины «свобода» и «вольность» использованы в их гражданском значении. Первый, в разделе «Преимущества собственности», где Поленов впишет о том, что «крестьянин, будучи господином своему имению, не опасаясь ни с которой стороны в рассуждении его претерпеть какое насилие и пользуясь приобретенным свободно, может располагать и употреблять оное, смотря по своим выгодам» [18, ст. 289]. Отметим соединение понятий «свободы» и «собственности» в духе Локка, хотя здесь, конечно, нет речи о прямой личной свободе крестьян, а говорится лишь о «свободном» (то есть независимым от воли помещика) управлению имуществом.

Второй же фрагмент – в разделе «О происхождении рабского состояния», где говорится о том, что «естественное право, от самого создателя в сердца наши влиянное, для совершенства своего причины подобных установлений и себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию, также поверить не можно, рассуждая особливо по врожденной человека к приобретению благополучия склонности и по непреодолеваемому стремлению к вольности» [18, с. 292]. Прямая отсылка «естественным правам», в характеристике состояния людей и общества в целом, для 1760-х гг. – это уже общее место. Она дважды встречается, например в записке П.И. Шувалова «О необходимости введения легковесной 32 рублевой из пуда монеты...», написанной в 1760-м гг. [35, с. 139]. Но выделение «вольности» (то есть личной свободы), в качестве естественного права – пока еще редкость.

В качестве промежуточного вывода мы можем отметить, что до 1780-х гг. в России, в общественно-политических и управленческих текстах было совершено несколько попыток овладеть концептом «свобода/вольность», но обязательным компонентом политической лексики эти две словоформы не стали. Лишь применительно к 1780-м годам можно говорить об определенном сдвиге в сознании российской элиты, чему свидетельство – тексты гр. Н.И. Панина (и его секретаря Д.И. Фонвизина), кн. М.М. Щербатова и А.Н. Радищева.

Варианты использования концепта «свобода» в 1780-х гг.

Эволюция представлений Н.И. Панина о роли свободы в обществе (или, возможно, эволюция формы их репрезентации) хорошо заметна при сопоставлении текстов двух его проектов 1762 и 1783 гг. В «проекте о реформе Сената» 1762 г. понятие «свобода» в политическом смысле (как свобода граждан или свобода народа) не используется совсем. Но близкое к этому понимание необходимости «свободы» проявляется. Первый раз, когда Панин называет главный недостаток правления Елизаветы Петровны: «определенная персона для производства дел может себя почитать неподверженным суду и ответу пред публикою, следовательно, свободным от всякого обязательства перед государем и государством, кроме исполнения» [12, с. 130]. Обозначение этих «персон», как «случайных людей», «временщиков и куртизанов», не оставляет сомнений, что речь идет не о свободе, как таковой, а о подмене свободы произволом фаворитов. Затем Панин пишет о некоторой «свободности» департаментов Сената обращаться к рассмотрению решений государыни «ежели они в исполнении своем могут касаться или утеснять наши государственные законы или народа нашего благосостояние» [12, с. 140]. В этом случае понятие «свободы», пусть косвенно, но соотносится с двумя главными тезисами европейской политической мысли: а) свобода – необходимый элемент общественного блага и б) свобода должна обязательно соотноситься с законом.

Все иначе в проекте 1783 г. «О фундаментальных государственных законах» (известном в записи секретаря Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина). Базовое положение проекта – о взаимодействии власти и народа. И оно сформулировано так, что позволяет высшую степень свободы народа, по отношению к власти: «... всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не от Бога, но от людей, коих нещастия времен пустили уступая силе унижить человеческое свое достоинство. В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы темже правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, есть ли разрывает» [\[12, с. 173\]](#).

И далее в проекте устанавливается прямая связь между «свободой» (то есть «правом» в смысле юридическом) и «правом» в экономическом смысле (то есть собственностью): «Когда ж свободной человек есть тот, которой не зависит ни от чьей прихоти; на против же того раб деспота тот, которой ни собою, ни своим имением располагать не может, и которой на все то, чем владеет, не имеет другого права, кроме высочайшей милости и благоговения, то по сему истолкованию политической вольности, видна не разрывная связь Ея с правом собственности» [\[12, с. 178\]](#).

И мы можем утверждать, что с появлением этого текста, в российской общественной мысли завершилась рецепция европейских представлений о «свободе». Правда, произошло это в рамках «кабинетной культуры», важнейший признак которой – создание проектов, воплощение которых в данное время невозможно.

Усвоение европейских политических конструкций в России приводило к появлению разных трактовок понятия «свобода» и, соответственно, к разной смысловой нагрузке концепта «свобода». Яркий пример тому – использование этого понятия в текстах кн. М.М. Щербатова. Уже в «Замечаниях» на «Наказ» Екатерины II он демонстрировал свое понимание свободы, как исключительно личного, а не общественного состояния, соединяемого, не с законностью, а с «государственной пользой»: «Не для того я сие говорю, чтоб совсем запретить рабам давать свободу, но чтоб то было плоды его услуг и усердия, и на таком основании, чтоб по освобождении своем тот освобожденный был вмещен в такое состояние, в котором бы сам бы счастлив был и полезнее государству был» [\[36, с. 84\]](#). Этот взгляд на свободу был выражен и в «Размышлениях о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений» 1766 г. Понятие «общественной свободы» Щербатову (в этом тексте) настолько чуждо, что в качестве главного аргумента против личной свободы крестьян, он приводит рассуждение о том, что эта свобода не будет удержана законом: «Тысячи примеров сему можно представить драк, не токмо лица с лицом, но селения против селения и толпы против толпы убийств, и за долго прошедшие досады мщениа. По сему известному характеру да рассудит каждый, легко ли таковых поселян, учиняя их свободными, общими законами сдержать?» [\[36, с. 148-149\]](#).

Политическое наполнение концепта «свобода» в текстах Щербатова происходит 1880-е гг. В его утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» есть рассуждение главного офирского чиновника Агибе о том, что лучше защищает государя: стража или народная любовь: «власть его, не основанная на любви и на правосудии, но [на] самовласти и мучительстве возвеличится, он будет страшиться своей стражи, а силой ее страшен всем другим учинится; и твердость духа, добродетель и законная свобода истребятся» [\[36, с. 254\]](#). Здесь оборот «законная свобода», в сочетании с монархическим принципом организации власти, ближе к понятию «разрешенная свобода», чем свобода «естественная». Но показательно уже само

обращение Щербатова к теме общественной свободы.

Самое же яркое высказывание Щербатова, в котором он опирается на концепт «свобода», содержится в «Размышлении о законодательстве вообще», и опять в характеристике деспотической власти: «все, что к сему нечистому сосуду ни коснется, все ядом заражается, и все обращается в общественный вред. ... Учредится ли какое собрание чинов государственных или поместных, — в них нет вольности, нет духу соединения, нет любви к отечеству, но все под властью деспота или какого его вельможи пресмыкаются, не смея и возникнуть на любезную свободу, ниже помыслить о взаимственных правах, связующих общества, ибо сей есть между прочими пороки деспотичества, что деспот деспота производит, и таковыми государство наполняется...» [36, с. 394] Это очень характерно для Щербатова: он обращается к концепту «свобода» для того, чтобы обличить деспотизм, но не для того, чтобы сформулировать идеальную общественную конструкцию.

И принципиально иной подход к осмыслению концепта «вольность/свобода» мы видим у А.Н. Радищева. Свобода у него не только базовый принцип организации общества, но и неперемное условие существования двух других общественных категорий, возвеличенных, чуть позже, Великой французской революцией: равенства и братства. Это понимание свободы отражено, без сомнения, в оде «Вольность». Но еще более наглядно в главе «Хотил» его «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога. ... Равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий». И далее: «Право гражданское показало вам человека, променявших беспредельную свободу на мирное оное употребление. Но если все они положили свободе своей предел и правило деяниям своим, то все равны от чрева материя в природной свободе, равны должны быть и в ограничении оной» [26, с. 121 и 123]. Здесь концепт «свобода» является базовым условием для дальнейшего движения к равенству и братству. А это уже чрезвычайно близко к тому, о чем писал Ж.Ж. Руссо в трактате «Об общественном договоре»: «Если попытаться определить, в чем именно состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: свободе и равенству. К свободе — поскольку всякая зависимость от частного лица настолько же уменьшает силу Государства; к равенству, потому что свобода не может существовать без него» [28, с. 51].

Выводы.

1. Исторически семантика концепта "воля" в Древней и Средневековой Руси соотносилась с практикой отстаивания коллективных прав населения той или иной территории ("земли") в отношениях с властью, а семантика "свободы" — с утверждением индивидуальных прав. В этой связи историческая семантика "свободы" в русском языке ближе к общеевропейскому пониманию личной (индивидуальной) свободы. Но до XVIII в., понятия "свобода" и "воля" были лишь фрагментарно представлены в политической речи.
2. Закрепление в политической речи концепта "свобода/воля" произошло в России во второй половине XVIII в., под воздействием двух процессов. Один процесс — это трансформация "царской" модели властных отношений в "императорские", которая заняла всю первую четверть XVIII в. Второй — знакомство образованной части русского общества с политической литературой европейских стран и постепенное укоренение в

сознании наиболее подготовленной части российской элиты политической лексики.

3. До конца XVIII в. семантическое наполнение терминов "свобода" и "воля" не было вполне разделено. Использование того или иного термина было выбором самого автора. При этом семантика "свободы" и "воли", в каждом конкретном случае, получало индивидуальное наполнение, в зависимости от политических предпочтений автора. Максимально близкую к общеевропейской трактовку категории "свободы" (как набора индивидуальных прав) мы можем увидеть в бумагах, гр. Н.И. Панина. У основателя российского консерватизма, кн. М.М. Щербатов, "свобода" - это сословная категория, скорее отражающая общий набор прав для отдельных групп населения. И принципиально иная трактовка концепта "свобода/воля" у А. Н. Радищева, который первым поставил реализацию "свободы" в обществе, в зависимость от достижения "равенства" в производстве и распределении материальных благ.

Библиография

1. Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Университетское изд-во, 2016. 480 с.
2. Вершинин К.В. Еще раз о составителе Мерила Праведного // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 1. С. 12-18.
3. Гобс Т. Левиафан. М.: Мысль. 2001. 478 с.
4. Готовцева А. Г. «Разговоры по подобию Лукиановых»: жанр «разговоров» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. №1 (34) С. 9-16.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
6. Данилевский И.Н. Восприятие свободы/несвободы в домонгольской Руси // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 78-83.
7. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: «Статут», 2002. 584 с.
8. Зализняк А.А. «Мерило праведное» XIV века как акцентологический источник. Munchen, 1990.
9. Каменский А.Б. К вопросу об эволюции смысла концептов «свобода» и «вольность» в русском политическом дискурсе XVIII в. // Труды по руссиеведению. 2011. № 3. С. 115-131.
10. Киселев М.А. Гоббс как знаковая фигура в российских политических текстах XVIII – начала XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета 2018. № 2 (26). С. 107-120.
11. Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 438-452.
12. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 640 с.
13. Коршаков В.В. «Свобода» и «воля» древнерусского человека // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 3. С. 13-28.
14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
15. Марасинова Е.Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Российская история, № 4. 2007. С. 21-

33.

16. Марчалис Н. Разговоры в царстве мертвых в русской литературе XVIII века // *Europa Orientalis*. 1988. № 7. С. 285-305.
17. Наказ Екатерины II данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. Под редакцией Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.
18. Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // *Российский архив*. М.: 1865. Ст. 286-318.
19. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание Первое. Том XV. 1758 – 28 июня 1762 гг. № 11.444. СПб. 1830.
20. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. Новгородская летопись. СПб., 1888.
21. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак. 2007.
22. Польской С.В. Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2012. № 11(91). С. 11-19.
23. Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. 566 с.
24. Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 501 с.
25. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: Русский перевод 1726 г. Т. I. СПб.: Нестор-История, 2011. 214 с.
26. Радищев А.Н. Избранные философские произведения. Л.: Госполитиздат. 1947. 558 с.
27. Ростовцева Ю.А. История возникновения русской литературной утопии // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2017. №3. С. 159-164.
28. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2018. 147 с.
29. Свердлов М.Б. Что читал молодой аристократ в 1750-е гг.: М. М. Щербатов // *Петербургский исторический журнал*. 2016, № 4. С. 59-84.
30. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 21. М.: «Наука». 1996.
31. Смирнов И.Н., Донник О.С. В.В. Голицын как государственный деятель: к истории вопроса // *Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова*. 2018. № 1. С. 170-180.
32. Тараканова А.Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2009. С. 39-46.
33. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // *Собрание сочинений Т. VII и VIII*. М.: Ладомир. 1996. С. 51-132.
34. Третье послание Курбского Ивану Грозному // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9113> (дата обращения 16.03.2021).
35. Шувалов П.И., Шувалов И.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН. 2010. 344 с.
36. Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 632 с.
37. Dawson Hanna. Natural Religion: Pufendorf and Locke on the edge of freedom and reason // *Freedom and the Construction of Europe*. V. 1. Religious Freedom and Civil Liberty Edited by Quentin Skinner, Queen Mary University of London, Martin van Gelderen, European University Institute, Florence Publisher: Cambridge University Press 2013. P. 115-133.

38. Heikki Haara. Pufendorf's Theory of Sociability: Passions, Habits and Social Order (New Synthese Historical Library) Pre-proof copy of the introduction of the book. 2018. Cham: Springer. <https://www.springer.com/gp/book/9783319993249>. (дата обращения 16.03.2021).
39. Jaume Lucien Hobbes and the Philosophical Sources of Liberalism|| The Cambridge Companion to HOBBS'S LEVIATHAN. Edited by Patricia Springborg. Cambridge University Press, 2007, p 199-216.
40. Montesquieu Charles de. De l'esprit des lois. Source: <http://www.uqac.quebec.ca/zone30> (дата обращения 16.03.2021).
41. Prokopenko V.V. The origins of Platonic pedagogy: an introduction to the study of Minor Plato's dialogues // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 497-506.
42. Sorell Tom. Hobbes's Moral Philosophy || The Cambridge Companion to HOBBS'S LEVIATHAN. Edited by Patricia Springborg. Cambridge University Press, 2007, p. 128-154.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

"Концепт «свобода» в политических текстах российских авторов XVIII в."

Название соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет научный интерес. Автор разъяснил выбор темы исследования и ясно обозначил её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, но перечислены задачи и методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования просматриваются в названии и тексте статьи.

Автор обозначил результаты анализа историографии проблемы и новизну предпринятого исследования. При изложении материала автор продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор хронологических и географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор грамотно использовал источники, выдержал научный стиль изложения, грамотно использовал методы научного познания, соблюдал принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования, обозначил её актуальность, разъяснил свою мысль о том, что в России 18 века «формирование образа будущего требовало опоры на семантические конструкции, которые могли бы выдержать наплыв новых смыслов» т.д. Автор резюмировал, что «потребность в использовании концепта «свобода/воля» в политических текстах XVIII в., неизбежно

отсылала и авторов и читателей к двум семантическим полям: исторически формирующемуся пространству смыслов древнерусского сочинительства» и «набору новых смысловых возможностей, возникающих при переводе с иностранных языков понятий».

В первом разделе основной части статьи («Свобода» и «воля» в древнерусских текстах) автор описал читателю варианты трактовки слова «свобода» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», пояснил, что «там, где древнерусская традиция встречалась с заимствованиями из-за рубежа, возникало новое значение словоформ «свобода» и «воля», связанное с правом (законом), а значит связанное с правами личности». Автор обосновал мысль о том, что «древнерусское понимание концепта «свободы», как общей «воли» всей городской общины стало не единственно возможным» т.д.

Во втором разделе основной части статьи («Свобода» в европейской просветительской мысли XVII в.) автор раскрыл мысль о том, что «второе семантическое поле, воздействующее на формирование российского концепта «свобода» - это европейская политическая мысль XVII – XVIII в.», сделал ряд замечаний по поводу важнейших его трактовок, придя к выводу о том, что «в западноевропейской политической мысли XVII в. отчетливо выделяется два семантических уровня «свободы»: личный и общественный» т.д.

В третьем разделе основной части статьи («Начало становления российского концепта «свобода») автор пояснил, что «политико-культурный переворот, свершившийся в России в первой четверти XVIII в., актуализировал в сознании российской элиты именно европейское семантическое пространство» т.д., что «о начале формирования концепта «свобода» в политической лексике России можно говорить, применительно ко II трети XVIII в.» т.д. Автор представил результаты качественного анализа источников.

В четвёртом разделе основной части статьи («Использование концепта «свобода» в текстах 1760-х гг.») автор сообщил, что «сдвиг в общественном сознании произошел с начала 1760-х гг.», что понятие «свобода» «становилось официальным термином власти, не имея, однако, концептуального обоснования». Автор изложил содержание источников, вновь разъяснив читателю контекст использования актуальных терминов. Автор резюмировал, что «до 1780-х гг. в России, в общественно-политических и управленческих текстах было совершено несколько попыток овладеть концептом «свобода/вольность», но обязательным компонентом политической лексики эти две словоформы не стали» т.д.

В пятом разделе основной части статьи («Варианты использования концепта «свобода» в 1780-х гг.») автор вдруг заявил, что «эволюция представлений Н.И. Панина о роли свободы в обществе (или, возможно, эволюция формы их репрезентации) хорошо заметна при сопоставлении текстов двух его проектов 1762 и 1783 гг.» т.д., что «в российской общественной мысли завершилась рецепция европейских представлений о «свободе».

Далее автор сообщил, что «усвоение европейских политических конструкций в России приводило к появлению разных трактовок понятия «свобода» и, соответственно, к разной смысловой нагрузке концепта «свобода» т.д., остановившись на примере текстов кн. М.М. Щербатова и А.Н. Радищева.

В статье встречаются ошибки/описки, как-то: «фрагменте - это» (дефис, неоднократно), «начинает дополняться», «Т. Гобс» (неоднократно) т.д.

Выводы, позволяющие оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования, в статье отсутствуют.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования автором достигнута.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки в

части формулирования выводов, отсутствие которых не позволяет оценить качество реализации задач исследования, заявленных автором.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом данного исследования является выявление концепта «свобода» (и близкий к нему, но не равнозначный концепт «воля») в политических и управленческих текстах российских авторов XVIII в.; указание на истоки и способ его выделения из общего количества смыслов, которые несла словоформа «свобода» в предшествующие эпохи; обозначение тех смыслов, которые должен был донести концепт «свобода» до читателя.

Базовый метод исследования – текстологический анализ в разных его вариантах, семантический (включая герменевтику), генетический, компаративный.

Актуальность статьи обусловлена слабой изученностью данной темы в историческом контексте, с недостаточно обоснованной аргументацией включения концепта «свобода» в политических и управленческих текстах российских авторов XVIII в.

Научная новизна исследования заключается в том, что автору (или авторам) удалось впервые убедительно показать, что потребность в использовании концепта «свобода/воля» в политических текстах XVIII в., неизбежно отсылает к двум семантическим полям: исторически формирующемуся пространству смыслов древнерусского сочинительства, с уже сложившимися и, в значительной степени, устоявшимися вариантами понимания того, что такое «свобода» и что такое «воля»; и набору новых смысловых возможностей, возникающих при переводе с иностранных языков понятий: *liberty*, *la liberté*, *die Freiheit* – используемых зарубежными мыслителями XVII-XVIII в.

Впервые на основе глубокого документально-литературного исследования подтверждено, что до XVIII в. В России, понятия "свобода" и "воля" были лишь фрагментарно представлены в политической речи. Показано, что до конца XVIII в. семантическое наполнение терминов "свобода" и "воля" не было вполне разделено. Использование того или иного термина было выбором самого автора. При этом семантика "свободы" и "воли", в каждом конкретном случае, получало индивидуальное наполнение, в зависимости от политических предпочтений автора.

Структура статьи позволила автору логично и последовательно изложить суть работы, представить различные точки зрения, высказать собственную аргументированную позицию, осветить поставленную проблему с уместными ссылками на труды предшественников. Названия разделов статьи являются тому подтверждением:

- ☐ «Свобода» и «воля» в древнерусских текстах
- ☐ «Свобода» в европейской просветительской мысли XVII в.
- ☐ Начало становления российского концепта «свобода»
- ☐ Использование концепта «свобода» в текстах 1760-х гг.
- ☐ Варианты использования концепта «свобода» в 1780-х гг.

В работе справедливо подчеркнуто, что значительным шагом в продвижении по пути осмысления бытования концептов «свобода» и «воля» в нормативных документах России XVII – XVIII в. стало исследование А.Б. Каменского. Первым воплощенным

«конструктом» стало «регулярное государство» Петра I (хотя элементы социального конструирования можно увидеть уже в реформаторских планах В.В. Голицына. Затем «образы будущего» проявились в полемике по поводу «Кондиций», предъявленных Анне Иоановне Верховным Тайным советом, в преобразовательных планах советников Елизаветы Петровны, наконец, в просвещенном абсолютизме Екатерины II.

Обращение к концепту «свободы/воли» стало неизбежным при осмыслении «петровского наследства». А события 1730 г. показали, что свободное изъяснение воли пусть небольшой, но все же части общества, возможно и в России. Один из самых активных участников тех событий, В.Н. Татищев, оставил нам корпус политических текстов, имеющих разную жанровую природу. Для нас, в данном случае, более всего важен текст первой половины 1730-х гг., названный «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах».

В других политических текстах 1730-х – 1750-х гг. концепт «свободы», как в личном, так и в общественном смысле, почти не использовался. Некоторый намек на возможность его применения есть в документах управленческого характера («записках») П.И. Шувалова и И.И. Шувалова.

Серьезный сдвиг в общественном сознании произошел с начала 1760-х гг. Прежде всего, указом Петра III от 18 февраля 1762 г. дворянству были пожалованы «вольность и свобода». Обоснование этого решения содержало отсылку к идеям Просвещения, но лишь в той части, где говорилось о «пользе отечества». Сама свобода определялась, как реализация «данной Нам от Всевышнего власти, из Высочайшей Нашей Императорской милости». И как реализация концепта, в данном случае, эта словоформа рассмотрена быть не может. Императрица Екатерина II выразила намерение привести этот указ «в лучшее совершенство». И, хотя первая попытка обновления этого указа, в рамках работы специальной комиссии, ничего не дала, сам указ продолжал действовать и понятие «свобода», тем самым становилось официальным термином власти, не имея, однако, концептуального обоснования.

Самым важным текстом 1760-х гг., для утверждения концепта «свобода» в общественном сознании, стал проект А.Я. Поленова по теме конкурса Вольного экономического общества «Что полезнее для общества – чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение ...», объявленного в 1766 г. В этом сочинении есть два фрагмента, в которых термины «свобода» и «вольность» использованы в их гражданском значении.

Столь пристальный анализ проблемы позволил автору прийти к выводу о том, что до 1780-х гг. в России, в общественно-политических и управленческих текстах было совершено несколько попыток овладеть концептом «свобода/вольность», но обязательным компонентом политической лексики эти две словоформы не стали. Лишь применительно к 1780-м годам можно говорить об определенном сдвиге в сознании российской элиты, чему свидетельство – тексты гр. Н.И. Панина (и его секретаря Д.И. Фонвизина), кн. М.М. Щербатова и А.Н. Радищева.

Автор подчеркивает, что у А.Н. Радищева мы видим принципиально иной подход к осмыслению концепта «вольность/свобода». Свобода у него не только базовый принцип организации общества, но и неперемное условие существования двух других общественных категорий, возвеличенных, чуть позже, Великой французской революцией: равенства и братства. Это понимание свободы отражено, без сомнения, в оде «Вольность». Но еще более наглядно в главе «Хотиллов» его «Путешествия из Петербурга в Москву».

Статья подготовлена на основе пристального анализа и осмысления 42-ух отечественных и зарубежных источников, тщательно подобранных и имеющих важное значение для исследователей и всех интересующихся данной темой.

Представленная статья, несомненно, вызовет большой интерес у читательской аудитории.